

КЛУБ МОЛОДЫХ

ЗАДАЮСЬ вопросом: что нужно молодым? Нет, речь пойдет не о молодых, а о людях другой сферы. А вот что нужно молодым драматургам?

Не надо только путать этот вопрос с вопросом «Чего хотят молодые?».

Когда становишься старше, понимаешь, что самое трудное — написать. Так и должно быть. Но молодым (да, увы, частенько и не только молодым) приходится сталкиваться с тем, что труднее всего — пробиться на сцену. Это уродливо. И надо сделать все, чтобы главная трудность воцарилась на нужном, истинно ей принадлежащем месте: написать!

Этой первой проблеме я и отдам основное внимание в данных заметках. Однако было бы нечестно умолчать о тех неправомыслиях, с которыми сталкиваются молодые, принеся рукопись в театр. (Тут в скобках повторю, что и немолодые тоже подчас терпят унижение и обиду от обманов и невнимания, на которые натываются. Но хотя бы есть амортизирующий опыт. А молодым все представляется беспросветней. Потому о прочих я и говорю в скобках.)

Уместно заметить, что помощь молодым оказывается. И немалая. Но главным образом — в решении первой проблемы, о чем подробно потом. А сейчас, чтобы закончить со второй (постановка пьесы в театре), хочу добавить следующее.

Да, я понимаю, что театры завалены самотеком. Пьесы пишут все, кому не лень. Что с того, что Лев Толстой назвал драматургию груднейшим литературным родом? А человек рассуждает так: «У меня есть опыт за плечами. Я столько-то лет был, скажем, врачом или инженером, юристом, дипломатом, учителем, наконец руководителем. Решал сложнейшие задачи. Появилось свободное время (это если ушел на пенсию). Уж кому-кому, а мне-то есть что рассказать людям. И не в учебнике, не в специальной статье, а житейски. Сколько разных хитрых бумажек писать приходилось! Напишу-ка я пьесу. Все-таки 70—80 страниц. В романе же — 800, а то и вся тысяча — не потяну. Стихи тоже не с руки, да и несоловьино начинать в моем возрасте. А тут, как в протоколе: слушали, постановили. Слева — кто, справа — что». И пишет. И — в литчасть театра. А там сидит перед ним завлит, как правило, человек с искусствоведческим образованием и знанием театра. И — мается! Ну как сказать почтенному и, наверное, в своей профессии дельному человеку, что его так называемая пьеса не только не имеет никакого отношения к драматургии, но и вообще ни к чему художественному? Как доказать? (А ведь он ждет доказательств.) Как не обидеть? (А почти обязательно обидится: ведь старался, писал, надеялся. Другой даже горяча жалобу напишет. Потом, когда остынет, если умный человек, не пошлет.)

Или другой вариант. Придет молодой, безусый (или еще более молодой — бородастый). Опыта жизненного — ну, напроць нечего сказать подьям даже своего возраста. Зато самоуверенности — выше головы. И, пардон, нахальства. Взял пачку бумаги, да и... — «Вам сколько, мастера культуры, времени требуется пьесу написать? Год? А то и больше? Надо же! И по сколько вариантов прочтите? По десять? Ну — маршам! А я — в три дня, и вся игра. И чего тут шаманить?» Вот и такое на голову завлито валится. В изобилии. И с такими разговаривать приходится. Эти, пожалуй, жалобу не напишут (еще не поднатоприли), зато что другое, непрофессиональное, скажут.

А завлито и так работы хватает. Надо найти пьесу для этого режиссера и для того,

А уж для главного-то — тем более. Для гастролей. А вот еще в простое превосходный артист или артистка. (Даже в газете интервью давали: мечтаю, дескать, сыграть Стеллеру или Долярку, но не возражаю на худой конец и короля Лира или леди Макбет.) Да еще режиссер или актриса принесли пьесу от известного драматурга. А другой, тоже профессиональный драматург, сам принес и зонтик забыл, так что разговора не избежал (а пьеса не получилась, и он все театральные отговорки — дескать, точно такая пьеса уже есть в репертуаре или что-нибудь еще — наизусть знает). Где уж тут молодое, еще никому не известное дарование обихаживать. Тут проблема — как от известных отбиться!

И тем не менее молодых обихаживать надо. Ничего не поделаешь. Жизненно необходимо. Другого выхода нет. Иначе театру — конец.

Правда, надо твердо, честно и беспощадно отсекал графоманов. (Беспощадно, потому что графоману повредить невозможно. У него почва из-под ног не выдернешь. Скорее он сам из-под вас весь земной шар вывернет.)

А вот у кого почуяли дарование, того надо приветить. Быстро прочесть его пьесу и, даже если отказали, найти слова, которые бы не отдавили его от столь редкого дела — писания пьес. Не ранили бы, ибо истинное дарование ранимо. Надо вдохнуть в него силы, уверенность в себе. Чем? Как? Проявить конкретное внимание: пригласить, скажем, на репетицию. Это ничего, что пока — чужой пьесы. Пусть увидит, услышит, какой ворох вопросов и упреков, справедливых и несправедливых, обрушивается от актеров и режиссера на голову автора. И это закономерно. Ведь режиссеру ставить. Актерам играть. Не выходит же им позориться на сцену. Пусть наглядно почувствует меру ответственности автора за каждое слово.

Пусть, наконец, его пригласит к себе в кабинет главный режиссер и они посмотрят в глаза друг другу. И молодой увидит, что главный не небожитель, который лишь изредка спускается с облаков, чтобы одарить отличившегося актера (или актрису) снисходительным поцелуем, а затурканный заботами человек.

Пригласите молодого на премьеру, на спектакль. Просто позвоните, спросите: «Как дела? Что пишешь?» Такой звонок из театра очень нужен любому драматургу, а для молодого — праздник! Ведь только графоман уверен в себе. Его не поколеблешь. А истинно творческий человек все время в сомнении: за свое ли дело взялся?

Обнадежьте молодых, начинающих драматургов. И ставьте, ставьте, ставьте их! А то ведь один очень одаренный, на мой взгляд, молодой комедиограф как-то с привычной грустью сказал мне: «Я уж бываю рад, когда из театра хоть рукопись вернут. А то потеряют. А о том, чтобы поговорили, только мечтаю». Слышите? На поставили — поговорили. А кстати, учтите, если потеряли, ему вновь печатать надо. А это денег стоит.

А теперь, начав с хвоста, подошли мы наконец и к проб-

леме номер один: что нужно молодым, чтобы написать пьесу?

Ну, дар. Это само собой. Не только страсть, чувство, уверенность, что иным способом то, что хочешь сказать, не скажешь. Но и способность, почти галлюцинировать, видеть, как все это происходит на сцене. Наконец (я уж как-то писал об этом), ухо, способное слышать всю неигнорируемую живую речь, и умение перевести ее в такое писаное слово, чтобы потом, когда произнесут, оно засверкало, как свеженькое!

Откуда это взять? Где научиться?

В том-то и дело — нигде. И негде. Это должно быть в человеке самой природой его заряжено. И проявляться. Пусть коряво, неумело, ведь и дети не сразу начинают ходить и говорить, но «искра божия», говоря антинаучно, в человеке должна быть. Помните, у Веры Инбер написано: «Корова дает молоко, а индюк, сколько бы ни дулся, — ни капли». Цитирую по памяти, так что уязвим. Скажут: «Человек не корова. Тем более не индюк». А я отвечу: «Это по науке. А в жизни?»

Значит, возьмем тот случай, когда дар есть. А умения нет. Самый распространенный случай. Что тогда? А вот тогда, полагаю, нужны три условия: 1) работа, 2) среда и 3) учитель.

удача не так сокрушительна. Легче идти в нужном направлении. А вот нужно ли оно?

Это может сказать учитель. Тут-то мы и переходим к третьему пункту нашего повествования.

Если позволено, то воспользуясь случаем и поблагодарю судьбу: в меня такой учитель был и есть. Это — Леонид Иванович Тимофеев. Я думаю, многие литераторы могут назвать себя его учениками. Ныне крупнейший ученый-литературовед, он и давно, уже гого-сверкало, как свеженькое!

Откуда это взять? Где научиться?

В том-то и дело — нигде. И негде. Это должно быть в человеке самой природой его заряжено. И проявляться. Пусть коряво, неумело, ведь и дети не сразу начинают ходить и говорить, но «искра божия», говоря антинаучно, в человеке должна быть. Помните, у Веры Инбер написано: «Корова дает молоко, а индюк, сколько бы ни дулся, — ни капли». Цитирую по памяти, так что уязвим. Скажут: «Человек не корова. Тем более не индюк». А я отвечу: «Это по науке. А в жизни?»

Значит, возьмем тот случай, когда дар есть. А умения нет. Самый распространенный случай. Что тогда? А вот тогда, полагаю, нужны три условия: 1) работа, 2) среда и 3) учитель.

Зачем желанием немедленно сесть за стол. Мне казалось: я стал сильнее, способнее. Я как бы поднимался над своей пьесой и глядел на нее сверху, а сверху виднее.

Вот такого бы учителя каждому. Но легко сказать — такого. А где его взять? Однако многое делается. Я уже выше упоминал об этом. В Москве и Ленинграде при Союзе писателей работают мастерские. Этими мастерскими руководят не только опытные, но, что не менее важно, разные драматурги: А. Арбузов, И. Дворецкий, В. Коростылев, И. Кузнецов, М. Львовский, М. Штаров, Ю. Эрдлис. Такие мастерские хорошо бы иметь и в других республиках. И обязательно с

выходом на сценическую площадку. Это сделано у Дворецкого в Ленинграде и было у Арбузова. Молодому драматургу важна помощь мастера. Важно почувствовать локоть товарища. Важно работать самому. Но особенно важно услышать свое слово на устах актера.

Эти мастерские уже дали результаты, и появились новые имена на наших сценах. Пока что скажу подробнее о трех. Это А. Петрушевская (Москва), С. Злотников (Ленинград) и А. Казанцев (Москва). Однако, кроме комплиментов, я хочу высказать — нет, нет, не советы, этого им еще придется хлебнуть достаточно — некоторые пожелания. Разумеется, весьма субъективные.

К примеру, спектакль «Старый дом» по пьесе Казанцева, поставленный В. Ланским в московском Новом театре, заслуженно стал заметным театральным явлением этого сезона. Шутка ли — три дебюта сразу, и все удачные. Дебют молодого драматурга. Дебют в Москве режиссера, который уже известен как опытный руководитель Русского театра в Вильнюсе. И успешный дебют с советской пьесой театра, который хоть и играл до этого и был замечен, но никак не вызывал паломничества привередливых московских театралов в неблизкое Бабушкино. А тут вызвал.

Причем вроде бы все само собой движется. Но опять же: понимая свою силу — умение вести диалог, — иногда злоупотребляет этим. Тогда телега буксует. Значит, нужна отделка.

И — Петрушевская. Ее появлению предшествовал период слухов, читали? слышали? видели? А где увидишь? Только в студийном исполнении. Но вот наконец можно и прочесть, и увидеть ее пьесы на профессиональной сцене. Действительно, оригинальный драматург. Пишет жестко даже для мужчины. Отделяется. И мера ажурности явлений беспощадна. Действие идет, а мы следуем за ним — нас подкупает беспощадная правда. Но подчас хочется спросить: куда? Ибо в натуре человеческой — идти, с надеждой выйти. Это хорошее качество — надеяться. Будем надеяться и мы, что встречи с профессиональными театрами и широким зрителем прибавят пьесам Петрушевской и эту силу — надежду.

Все они трое еще, по существу, в начале своего пути. Что же, в добрый путь! Но прошу прислушаться — в добрый!

Упомянутыми именами, естественно, не исчерпывается результат всех усилий.

Каждый год Союз писателей и Министерство культуры собирают молодых драматургов из разных республик на семинары. Целый месяц в Ялте, Рубе, Дубултах эти авторы пишут, читают и обсуждают свои пьесы в кругу своих товарищей и под руководством профессиональных драматургов и критиков. А представители министерства и издательства отбирают лучшие работы для договоров на постановку и издания. И эти семинары, кроме уже названных выше авторов, помогли выйти в свет таким, как Т. Метревели из Грузии, Н. Садуо из Новосибирска, М. Ворфоломеев. В Славкин, Л. Корсунский из Москвы, Ю. Туулик из Эстонии. — причем я далеко не исчерпал список.

Наконец, регулярные всесоюзные совещания молодых писателей, которые проводят ЦК ВЛКСМ и Союз писателей (а только что прошло уже седьмое), также дают выход новым именам.

Что и говорить — это все подспорье для молодых драматургов неограниченное.

Но вот работа сделана, пьеса написана, и, допустим, неплохо. Спрыгнула со стола. Теперь начинается ее путь в театр. Можно как угодно рационально организовать прохождение пьесы от стола драматурга к сценической площадке. Однако мне на ум приходит фраза, с которой я начал эти заметки: о молодоженах. Из другой сферы? Допустим. Но для того, чтобы драматург стал драматургом, а театр театром, необходимо еще одно, чего никакой организации не заменишь, — взаимное чувство.

С. АЛЕШИН

«ГДЕ УЧАТ НА ШЕКСПИРА?»

ПРОБЛЕМЫ ЗАВТРАШНЕГО РЕПЕРТУАРА, ЗАВТРАШНЕГО ТЕАТРА — ЭТО ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО НАЧИНАЮЩЕГО ДРАМАТУРГА, ВНИМАНИЯ К НЕМУ, ЗАБОТЫ О НЕМ. ОБ ЭТОМ — ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ С. АЛЕШИНА.

Казалось бы, ясно? Оказывается, нет. Опыт показывает, необходимы комментарии.

Увы, чтобы написать, надо писать. И верить, обязательно будет поставлено. Это — хлыст, пока нет другого. Писать и отделять. Доводить до высшей кондиции. Шлифовать. Проверять на слух. На глаз. На себе. На многоотраженных близких. На друзьях. На прочих. Читай и не кривись, когда тебя не доняли. Старайся извлечь пользу даже из самых нечленораздельных отзывов и несправедливых замечаний. Не отбрасывай ничего, старайся понять: чем вызвана эта необъективность? Из-за чего непонимание? (Ведь никто, кстати, и не обязан понимать. Этому еще надо научиться: чтобы тебя поняли. Правда, попутно, в скобках, скажем, есть и такие, что не доймают никогда. Но об этом именно в скобках, да и не горюпите себя этим утешать.)

Вот это все и заключено в коротеньком, но емком слове «работа». Так обстоит дело с первым пунктом.

Теперь второй пункт — среда. То есть рядом нужны люди, занятые тем же делом. Для чего? Для совета, думаете? Для критики? Далеко не самое важное. Нет, я не против — совет и критика нужны, особенно если чувствуешь в них потребность. Но не в этом суть данного пункта. Главное — чтобы молодой автор не чувствовал себя осяю, вокруг которой земля вращается. И тут нет противоречия со сказанным ранее. Неуверенность в себе и самонмение превосходно уживаются рядом. (Это защитная реакция: надо же на что-то опереться.) А вот когда молодой автор видит, что кругом такие же, как он, «умельцы», а тем не менее земля вертится помимо них, то его уже не так заносит. Ибо что ни говори, а когда оказывается, что ты не единственное чудо на свете и даже совсем не чудо, то это спускает на землю. А когда видишь, что и в муках не единственный, — поднимает из пропасти.

Когда все кругом пишут, то внимание, естественно, сосредоточивается на том, как пишут. Среда отрезвляет. И подбуждает. Ставит на место. На людях и удача слаще, и не-

А пожелания Казанцеву, на мой взгляд, таковы. Он владеет столь редко ныне практикуемой и сложной формой — монологом. Однако, как нередко случается с молодыми, сев на коня, забывает слезть с него. А в пьесе, как в телеграмме, за каждое слово приходится платить. В нашем деле — вниманием и доверием зрителя. И еще: хорошо зная свое поколение, он несколько упрощает старшее, а уж не такие они «такие».

Теперь — Злотникову. К сожалению, я не видел на сцене ленинградского Театра комедии его пьес, но знаю: идут с успехом. Зато читал на семинаре те пьесы, что пока не идут. — «Четвертый раунд», «Сцены у фонтана» и «Пришел мужчина к женщине». Читашь — и с двух строк ясно: драматург. И слышит, и видит как драматург, и умеет эту упрямую телегу — театральное действие — катить вперед. Что еще ценно: знает, куда катить.